

У ВСЕХ МУЗ

Моск. новости
1984 - 18 окт. (№ 42)
с. 3

ЛЮДИ ТЕАТРА УЧАТСЯ ДЕМОКРАТИИ

Театр сегодня принято ругать. Не раз и не два приходилось выслушивать ну что, пошумели на трибунах, образовали новый творческий союз с новыми правами, а результат? Сезон-то в Москве по существу провальный, спектакли заметные можно пересчитать на пальцах одной руки. На сцене скучно, зато за кулисами страсти кипят: вояса раскол во МХАТе, беспрецедентная ситуация в ТЮЗе (несколько месяцев назад группа актеров в знак протеста против назначения нового главного режиссера отказалась получать зарплату — прямо-таки повторили сюжет знаменитой пьесы Гельмана), назначения, перемещения в большинство столичных театров. Воистину «у нас решительные люди, горячих дюжина голов!» — «Шумите вы? И только?»

Так что же, болтовня захлестнула высвобождающиеся из-под административной опеки театры или перед нами процессы другого рода, гораздо более сложные и по-настоящему драматические? Сейчас, в начале нового сезона, имеющего под собой столь конфликтную почву, в этом важно разобраться.

Не мое сравнение: высокая волна, ворвавшаяся в тихую заводь, поднимает со дна много муты. Муты и пены действительно много. Актеры (вы вдумайтесь — актеры!) лодят по инстанциям и пишут жалобы, обвиняя не угодивших им ре-

Нина
АГИШЕВА

жиссеров и своих же братьев-артистов во всех смертных грехах, не чураясь и политических ярлыков. Срабатывает годами выработанная привычка думать: вот я на тебя напишу, и ты у меня попляшешь! На собраниях творческих коллективов столько злобы, яда! Да, накопилось. Но мы же люди — должны понимать, что ненависть к ближним рано или поздно, как бумеранг, ударяет по тебе самому.

Станиславским завещано: театр есть нравственность. В безукоризненной этике, неотделимой от любого эстетического вопроса, всегда была сила русского театра, его главная и великая традиция. Я не верю, что можно предать учителя, облить желчью коллегу, а потом гениально сыграть роль или поставить спектакль. Даже больше: раз за всю долгую, славную и трудную жизнь — и все, как сказано у поэта — аккордеон остался, а музыку унесли. Мы разучились не просто слушать — слышать друг друга. Понимать чужую, а не свою боль. А это можно и нужно делать, даже свято храня верность своей позиции и своим принципам. В театре без взаимной любви и понимания нельзя — иначе из него уходит душа, и никакая самая сногшибательная эстетическая идея, никакое умение, ремесло ее не заменят. Вера должна быть общей, а не записана в трудовой книжке в графе «место работы».

Идет необычный процесс — люди театра учатся демократии. Совсем недавно довелось присутствовать на собрании, которое подвело итог длившейся ни много ни мало полтора года драматической ситуации в Московском театре имени Евг. Вахтангова. Собрание было одновременно печальным и оптимистическим. Уходил Евгений Симонов, коллектив выбрал художественным руководителем Михаила Ульянова. Сколько достоинства, такта, мудрости, если хотите, было в выступлениях и Симонова, и Ульянова, и Кулченко, и Яковлева, некоторых других актеров. Подумалось: значит, можем по-человечески, даже и пройдя сквозь полтора года тягостных собраний, писем в инстанции, когда одни актеры не здоровались с другими. Выяснилось в сущности, все: хотя одного — работы, только настоящей, успеха, только заслуженного, а не обеспеченного сверху.

И тем не менее все не так просто. Как-то на встрече с иностранными студентами меня спросили: когда приезжать в Москву, чтобы увидеть реальные результаты театральной перестройки? Ответила не завтра. Идет перестройка сознания, самого способа существования людей театра — пока не осуществляются эти перемены, мало что изменится и на сцене. Но начало положено, и сегодня каждый сам за себя решает, участвовать ему в этом процессе или нет.